

Сергей Данилов

МИР НА ДВОИХ

Фэнтези-рассказы

Часть 2

Минск
«Колорград»
2020

УДК 821.161.1(476)-32

ББК 84(4Бел=Рус)-44

Д18

Данилов, С. Б.

Д18 Мир на двоих : фэнтези-рассказы : ч. 2 / Сергей Данилов. –

Минск : Колорград, 2020. – 236 с.

ISBN 978-985-596-636-5.

Во второй части книги Сергей Данилов продолжает повествование о космической войне землян с таинственной цивилизацией вертляндцев.

Жанр фантастики диктует писателю из Быхова такие повороты сюжета, которые не позволят читателю скучать, а поступки героев, отражающие их характеры, заставят задуматься о том, что подлинные ценности – приверженность добру, ответственность, порядочность, взаимовыручка и теплота человеческих отношений – являются вечными и порой определяют ход мировой истории.

Спешите узнать, как же закончится война, созданная воображением писателя.

УДК 821.161.1(476)-32

ББК 84(4Бел=Рус)-44

ISBN 978-985-596-636-5

© Данилов С. Б., 2020

© Оформление. ООО «Колорград», 2020

*Цель жизни в этом и заключается:
жить так, чтобы и после смерти
не умирать.*
Муса Джалиль

МИР НА ДВОИХ

НИ О ЧЁМ НЕ ПРОСИЛ

1

Не знаю, как к этому относиться, но после гибели солдата его вещи забирают оставшиеся в живых. Таков негласный закон войны. С одной стороны, это выглядит неэтично, а с другой – они ведь убитому больше не нужны. Так у меня оказалась записная книжка Смирнова.

Находясь рядом со Смирновым в землянке, я видел, как он частенько открывал блокнот и что-то там писал. Вначале я посмеивался над его странной привычкой, но постепенно пришёл к выводу, что каждый сходит с ума по-своему. На планете Киота это происходило гораздо чаще, чем обычно. Совершенно невыносимые условия для жизни и ведения боевых действий способствовали довольно мрачному настроению у солдат, и если что-то помогает человеку отвлечься, то грех этим не воспользоваться.

Со временем я стал завидовать Смирнову: в своих фантазиях он может уйти в мистическую даль, забыть весь этот хаос. Мне стало интересно и захотелось узнать, какие же мысли посещали обычного человека в таких необычных для землянина ситуациях. Смирнов, кажется, не боялся, что кто-то прочтёт его записки, будто ему

на всё было наплевать. Он будто готовился к тому, что с записями кто-то обязательно ознакомится, разберётся, поймёт и оценит их.

Когда я впервые раскрыл записную книжку Смирнова, то подумал, что если бы она попала в другие руки, то возможно, сразу же угодила бы в костёр.

Страницы были исписаны мелким, но довольно разборчивым почерком. Так обычно пишет «статичный» человек, которому спешить некуда, да и незачем.

На первой же странице я прочитал:

«...Не знаю, как к этому относиться. Убили Маркова, и его вещи мы поделили между собой...»

Тут же отложил книжонку в сторону. Смирнов сделал запись о том, что произошло пару часов назад.

«Он, что, предвидел? – удивился я, но тут же образумил сам себя: – Глупости, просто совпадение».

«...Некрасиво, но таков закон. Когда-нибудь то же сделают и с моими вещами. Интересно, кому достанется моя записная книжка? Наверное, её схватит Мурашкин. Он всё время смотрит, когда я делаю записи. Ему до ужаса хочется узнать, о чём я пишу. О тебе, придурок!..»

Превозмогая любопытство, я захлопнул книжку и подумал: «Подлец!»

Мне захотелось забросить записную книжку в самый дальний угол землянки, забыть о ней навсегда, но, посидев немного, я успокоился и подумал: «Если так волноваться на каждой странице, до конца точно не прочту». Любопытство брало верх.

Я вновь раскрыл книжку и стал читать.

«Вообще-то Мурашкин парень неплохой. В бою поддержки лучше не найти. Всегда подаст руку помощи. Мы не разговариваем с ним об этом, просто делаем всё возможное друг для друга – и всё. С первого же дня знакомства».

«Да. Было дело, – подумал я. – В тот день мы как раз прибыли на фронт, как говорится, с корабля на бал. Сошли со взлётной полосы и тут же утопили по колено в болоте. Редкий лес загибался от обилия воды, кустарник стелился по земле. Человеку здесь явно было не место. Но вертляндцы уцепились за эту планету и не хотели её покидать. Судя по тем данным, что имело

руководство нашей армии, они просуществовали здесь долгое время. Изучили планету вдоль и поперёк, знали, как нужно на ней жить. Люди же не имели понятия обо всём этом, но гнались за врагом и ступили на землю с одним желанием – выгнать противника отсюда. Но одно дело хотеть, и совершенно другое – сделать. Армия Карамышева увязла в бесконечных боях, несла огромные потери. Был, правда, успех, но небольшой, не определяющий ход войны. Вертляндцам помогало знание планеты, земляне же были здесь как слепые котята. Вертляндцы были беспощадны в сражении, планета тоже не щадила людей. В эту мясорубку мы и попали.

Взлётно-посадочную площадку охраняло несколько зенитных комплексов, они-то и не давали вражеским снарядам долетать до важного для нас пункта.

Уже через пять минут нахождения на планете я был весь мокрый, в грязи и водорослях. От меня исходил тошнотворный запах гнилых яиц. Прибывшие солдаты просто тонули в этом невообразимом болоте десятками, так и не успев принести пользу землянам. Та же участь ждала и меня. И тут Смирнов схватил меня за ногу, втянул в яму, вырытую взрывом снаряда. Приказал не двигаться. По сути, он спас меня от смерти в первые же минуты пребывания на этой ужасной планете.

Когда артобстрел завершился, я оказался среди уцелевших. Так и повелось: сегодня он мне подсказал, как поступить, завтра – я ему...»

Вернувшись на какое-то время в реальность, я продолжил читать записную книжку Смирнова.

«Первый же опыт показал, что о нас здесь будут мало беспокоиться. Забравшись в бетонную землянку, пропитанную жидким стоком, я постарался забыть о том, как нас встретили главнокомандующий и вертляндцы. Разница была большой. У врага получилось результативней.

В землянке воды было по колено. Несмотря на защиту, бетон не мог удержать весь объём жидкой грязи за периметром. Повсюду была плесень, за одну ночь ею покрылась и моя форма. Она стала сырой, скользкой, малопригодной для ношения. Плесень, вероятно, проникала и в человеческое тело, вызывая аллергическую реакцию. С этим боролись все, но безуспешно. Благо, солдаты быстро гибли, но живые сталкивались с неприятными

изменениями в своём организме. Но это я узнал потом, а первый день мне подсказал, что я осуждён на каторжные работы за то, что решил послужить Отечеству, а вода, сырость и плесень будут постоянными спутниками.

На следующее утро из-за простуды у меня пропал голос. Я обратился к врачу, тот вколол мне ударную дозу антибиотика, о котором в мирное время говорили как о вредителе, теперь же он широко использовался: требовалось очень быстро ставить бойцов на ноги. Что с ними будет потом – неважно.

Моего соседа по землянке простуда обошла стороной. Я завидовал ему чёрной завистью. На следующий день мы снова искупались в холодной грязи, и я вновь отправился к врачу, чтобы избавиться от симптомов простуды.

Сосед по землянке не заболел. Его иммунитет очередной раз вышел победителем, мой же сдался без боя. Я постоянно глотал таблетки. Меня мучил то понос, то запор. Печень не справлялась с набором лекарств. Кроме того, меня пичкали порошками для поддержания микрофлоры желудка. Но я искренне верил, что всё обойдётся. Да и врач заверил меня в этом. На третий день стало ясно: он ошибался».

«Странно, ничего подобного за Смирновым не замечал, – подумал я. – Хотя припоминаю, он часто куда-то отлучался. Но мало ли что человека беспокоило».

«Сегодня вечером отражали атаку врага. Странно было видеть ползущих в нашу сторону противников. Идти было невозможно, и, кроме того, существовала вероятность, что из болота выползут глубинные жители. Зачастую они ядовитые и могут убивать не хуже противника. Об одном таком случае рассказал старожил. Он продержался здесь больше трёх месяцев. Невероятный срок! К нему прислушивались как к оракулу, который знает, как жить на чужой земле.

Обнаружив противника, нас вывели в траншею и приказали бросать гранаты, как только враг приблизится. Что мы и стали делать с невероятным усердием: страх руководил нами. Вражеские бойцы тонули, пытаясь спастись от осколков. То, что казалось страшным и непредсказуемым, на поверку оказалось обыденным и простым. Тот из вертляндцев, кто уцелел, повернул обратно...»

«Я тоже помню эту атаку, – мои мысли стали восстанавливать ход событий. – Я тогда бросил десять гранат. Всё, что было у меня в запасе. Вертляндцы в тот день жарились на огненной сковородке. Я и не думал, что атака странная. Просто хотел скорее вернуться в землянку, вылить воду из сапог, просушить одежду. Меня бил мелкий озноб. Я не хотел простудиться».

«Ночью ждали, что враг повторит попытку атаки, но этого не случилось. Я не спал всю ночь, крутился в сырой кровати как юла. Заложило нос, нечем было дышать.

Утром почувствовал себя разбитым. Всё-таки сон – величайший лекарь, его отсутствие делает человека больным. Сходить к врачу, как планировал, не получилось. Вражеские беспилотники, летая вдоль траншеи, упорно сбрасывали авиабомбы, но созданная в заводских условиях арматура выдержала налёт с честью.

Когда на какое-то время обстрел прекратился, я сходил к врачу. Получил новую порцию антибиотиков и совет поговорить с лейтенантом о переводе на другой участок обороны. С лейтенантом Синяковым разговаривал в тот же день. Он обещал поговорить обо мне с капитаном Звягинцевым, чтобы тот навёл справки, куда меня определить. Не знаю, успел он поговорить с кем-то или нет, так как лейтенант погиб в ту же ночь. После очередного налёта авиации вертляндцев мы до утра расчищали траншею от покорёженных плит, находили раненых и убитых. На этот раз ударная сила снарядов была в разы больше. В тот вечер уцелела только землянка.

Не успели мы расчистить завал, как последовал новый налёт. Но я решил не отсиживаться в землянке, как это делали другие солдаты. Ползал в грязи, как можно дальше от бетонной землянки: боялся прямого попадания снаряда. Несмотря на то что противник израсходовал большой боезапас снарядов, землянка выстояла. Сетка появившихся трещин не уменьшила крепость конструкции.

Когда обстрел прекратился, я стал с нетерпением ждать полевую кухню. Очень хотелось горячей пищи. Та пришла с опозданием, еда была остывшей. Затем я отправился в госпиталь. Врач тут же дал команду медбрату ввести мне антибиотик и сказал, что пропишет дезертирство, если я приду завтра.

Надо было опять с кем-то поговорить о моём здоровье, но я боялся, что меня посчитают хлюпиком. Да и перед ребятами было стыдно. Я быстро привязался к ним, особенно к молчаливому соседу, который по-доброму мне не мешал».

«У него были такие проблемы, а я ничего и не заметил, хоть бы спросил парня, как он», – корил я себя.

«На четвёртый день прибыло пополнение. Подоспел и лейтенант Смольский. Улучив момент, я поговорил с ним, попытался убедить, чтобы меня отправили на другой фронт или планету. Казалось, он слушал внимательно, не промолвил ни слова. Но когда я закончил свой монолог, просто рассмеялся мне в лицо. Его поступок обескуражил меня. Проглотив обиду, я попробовал повторить свой рассказ, но лейтенант приказал вернуться в землянку, подготовиться к бою, который начнётся в ближайшее время. Я понял, что молодой военный не имеет опыта ведения боевых действий, но полон амбициозных планов, поэтому решил, что надо обратиться к командиру роты Вишневскому.

Утро следующего дня я начал с забега в ближайшие кусты. Меня мучила диарея. Опять лихорадило, бил озноб, болела голова. Стоило бы сходить к врачу, но я знал, что меня ожидает. Поэтому решил терпеть. Если случится атака, лучше нарвусь на шальную пулю, тогда меня точно доставят в госпиталь, и врачи всерьёз займутся мной».

2

Я оторвался от чтения.

«Надо же, какие проблемы были у этого парня, а никто об этом и не знал. Никому не было дела до него. Неужели и вправду на войне каждый думает, как выжить самому, а на остальных нам наплевать? Почему мы – такие умные, высокообразованные и деловые – на поверку оказываемся неспособными к состраданию?»

Я долго смотрел в потолок бетонной «землянки», искал ответ, но безрезультатно.

«Ладно, продолжим чтение», – разрешил я себе и впился взглядом в страничку. Читать в полутьме было непростым занятием.